

Антропология девиантного поведения

УДК 141.333:340.125

DOI: 10.35750/2713-0622-2021-2-203-214

Научная статья

Попов Дмитрий Владимирович

Омская академия МВД России
(Омск, Россия)

DmitriVPopov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4587-6351

Ключевые слова

человек, биополитика, уголовная
биополитика, норма, нормализа-
ция, медиализация

Биополитический поворот в праве: от юридико- институциональной модели к биоправу

Аннотация

Актуальность статьи. Начиная с XVIII в. происходит постепенная качественная трансформация суверенной власти в ходе становления биовласти, основанной на регуляции естественных процессов, присущих населению. На рубеже XX–XXI вв. биополитика в качестве властной организации жизни населения стала доминирующей моделью управления. В настоящее время многочисленные биополитические инструменты осуществляют конструирование социального, что требует внимательного изучения.

Цель статьи состоит в экспликации процесса трансформации юридико-институциональной модели регулирования общественных отношений, присущей суверенной власти, в биоправо в качестве инструментария регуляции общественных отношений, осуществляемой биовластью.

Описание хода исследования. В ходе исследования рассмотрен процесс становления биоправа, возникающего на основе уже сложившейся системы юридико-политического регулирования за счет ее модификации биополитическими средствами медиализации, нормализации, идентификации, уголовной биополитики. В результате неуклонной биополитической интервенции в регуляцию жизни населения lex-закон как система правовых норм расширяется до potos-закона, ориентированного на образец природного порядка, коррелятивного конструируемым нормам жизни человека как сознательного и телесного существа.

Выводы. Биополитика в процессе становления не ограничивается серией воздействий на жизнь населения, но радикально трансформирует социальное, включая правовые отношения. Биоправо является системой гибких инструментов регулирования социальных отношений, тяготеющей к модели природного порядка. Биополитическое регулирование неуклонно вытесняет традиционную юридико-политическую модель управления.

Для цитирования: Попов, Д. В. (2021) Биополитический поворот в праве: от юридико-институциональной модели к биоправу. *Российский девиантологический журнал*, 1(2), 203-214. DOI: 10.35750/2713-0622-2021-2-203-214.

Anthropology of deviant behavior

Scientific article

Dmitry V. Popov

Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian
Federation
(Omsk, Russia)

DmitriVPopov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4587-6351

Biopolitical turn in the Law: from the legal and institutional model to the biolaw

Abstract

Relevance. Since the XVIII century, there has been a gradual qualitative transformation of sovereign power in the course of the formation of a biopower based on the regulation of natural processes inherent in the population. At the turn of the XX–XXI centuries, biopolitics as an authoritative organization of the life of the population became the dominant management model. At present, numerous biopolitical tools carry out the construction of the social.

Objectives. The purpose of the article is to explicate the process of transformation of the legal and institutional model of regulation of public relations inherent in sovereign power into biolaw as a tool for regulating public relations carried out by biopower.

Results. In the course of the study, the process of the formation of biolaw, which arises on the basis of the already established system of legal and political regulation due to its modification by biopolitical means of medicalization, normalization, identification, criminal biopolitics, is considered. As a result of the steady biopolitical intervention in the regulation of the life of the population, the lex-law as a system of legal norms expands to nomos-law focused on a sample of the natural order, correlative to the constructed norms of human life as a biosocial being.

Conclusions. Biopolitics in the process of formation radically transforms the social, including legal relations. Biolaw is a system of flexible tools for regulating social relations, tending to the model of the natural order. Biopolitical regulation is steadily replacing the traditional legal and political management model.

Keywords

human, biopolitics, criminal biopolitics, norm, normalization, medicalization

For citation: Popov, D. V. (2021). Biopolitical turn in the Law: from the legal and institutional model to the biolaw. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 1(2), 203-214. DOI: 10.35750/2713-0622-2021-2-203-214.

Введение

Термин «биополитика» впервые был введен в научный оборот в 20-е г. XX в. Так, в ряде научных статей указанного периода в Германии обнаруживается нарастающий интерес к органическому истолкованию государства, что востребовало новую терминологию (Esposito, 2008, с. 16). Важной вехой становится использование данного термина шведским исследователем Р. Челленом (Esposito, 2008, с. 16–17), широко известным в качестве создателя термина «геополитика». Использование терминов «биополитика» и «геополитика» Челленом в рамках одного подхода представляется более чем закономерным. Учитывая непрерывное смещение внимания от управления территорией к управлению населением, несмотря на общеизвестность

геополитики и гораздо меньшую славу биополитики, представляется, что именно геополитика является продолжением биополитики, а не наоборот. В дальнейшем вплоть до середины 70-х годов XX в. последовательно сменили друг друга три подхода к концептуализации биополитики: органический, антропологический и натуралистический (Esposito, 2008, с. 17–22). Однако все три подхода так и не сформировали предметной области биополитики, суммарно представляя собой довольно эклектичное нагромождение проблем, в рамках которых сопрягаются политическое, социальное и биологическое. Лишь с появлением серии исследований М. Фуко возникли предпосылки для того, чтобы предметная область биополитики приобрела четкие границы, а биополитический дискурс сформировался

как оригинальный и обладающий значительным эвристическим потенциалом подход, который обращает внимание на теневые аспекты социальной жизни, составляющие слепое пятно для традиционного юрико-институционального и политико-философского рассмотрения социума.

Вместе с тем, несмотря на то, что биополитический дискурс сформировался более пятидесяти лет назад, удивительным образом он по-прежнему воспринимается как новое слово в гуманитарных исследованиях. Наличие многочисленных проблем, недостаточно освещенных в рамках биополитического дискурса, требует внимательного изучения. В частности, в поле зрения настоящего исследования попадает проблематика трансформации права под воздействием биополитики.

Проведение исследования

Исследование опирается на уже ставшие классическими работы М. Фуко, а также на идеи Дж. Агамбена, Р. Эспозито, М. Хардта, А. Негри, А. Мбембе, М. Оякангаса, А.В. Ярковой, обогатившие биополитический дискурс в недавнее время. Безусловно, в рамках рассмотрения биополитической проблематики невозможно пройти мимо целого ряда работ в области политической философии, непосредственно не связанной с биополитикой,

например, работ К. Шмитта, Х. Арендт, С. Московичи. Значительный потенциал для осмысления биополитики имеют и работы в области антропологии, психологии и даже нейронаук. Поскольку исследование было сосредоточено лишь на одном аспекте биополитического дискурса, а именно на политико-правовой трансформации, то целью исследования стала экспликация процесса трансформации юрико-институциональной модели регулирования общественных отношений, присущей суверенной власти, в биоправо в качестве инструментария регуляции общественных отношений, осуществляемой биовластью. Предметом исследования является биоправо как комплекс юридических и внеюридических инструментов регуляции социальных отношений, осуществляемых биовластью. Ключевой проблемой, поставленной в исследовании, но требующей дальнейшей разработки, является раскрытие амбивалентного потенциала биоправа. Ме-

тодологическим основанием исследования являются элементы археологии знаний М. Фуко в сочетании с системным подходом, диалектикой и герменевтикой. В ходе исследования проведен анализ зарождения биополитического дискурса и формирования предметного поля биополитики; выявлены и рассмотрены такие инструменты биополитики, как медиализация, нормирование и нормализация; особое внимание уделено уголовной биополитике, сформировавшейся в поле применения биополитического инструментария. В результате исследование привело к обобщениям, позволяющим увидеть процесс зарождения биоправа как специфического арсенала средств регуляции социальных отношений, характерных для биополитики.

”

Учитывая непрерывное смещение внимания от управления территорией к управлению населением, несмотря на общеизвестность геополитики и гораздо меньшую славу биополитики, представляется, что именно геополитика является продолжением биополитики, а не наоборот.

“

можно встретить у Т. Гоббса, Б. Спинозы, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, а в XIX в. такого рода метонимические переносы встречаются в науке предельно широко – стоит лишь упомянуть учения Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и К. Н. Леонтьева. Впрочем, стоит ли удивляться тому, что особенности органической (биологической) жизни человека нашли свое отражение в концептуализации общества и государства? Тело человека, будучи сложноорганизованной многофункциональной системой, является для него и наиболее очевидным, и доступным, и наглядным, и поучительным образцом самоорганизации, адаптации и даже трансформации в условиях прямой и обратной связи со средой. Аутопоэз (У. Матурана, Ф. Варела) человека в условиях непрерывного структурного сопряжения со средой, обеспечивающий необходимый адаптативный структурный дрейф, конгруэнтный структурному дрейфу окружающей среды, так или иначе в порядке аналогии применяется в отно-

Результаты и обсуждение

Сопряжение жизненных, биологических параметров бытия человека и политического устройства общества не является изобретением М. Фуко и сформированного им биополитического дискурса. Безусловно, тяга к органическому (естественному, организмическому, биологическому) истолкованию государства и общества может быть обнаружена уже у Платона и Аристотеля, метафоры уподобления членов (органов) человеческого тела и государственных органов (sic!)

шении организуемых человеком союзов, являясь прообразом для далеко идущих обобщений относительно социального устройства.

Следует отметить, в XIX в. благодаря открытиям Ч. Дарвина, Г. Менделя, Ф. Гальтона и многих других ученых-естествоиспытателей наука вышла далеко за рамки банальных метафор и обратилась к скрытым процессам, определяющим жизнь человека, что немедленно было спроецировано на социум. Собственно, появление термина «биополитика» в начале XX в. объясняется инспирированным евгеникой интересом ряда исследователей к проблематике «общественного здоровья», «вырождения», «гигиены» и т. п., что, как прекрасно известно, привело к крайне печальным последствиям, мрачным итогом которых стало такое порождение «нацистской биократии» (Nazi Biocracy, Р. Эспозито), как Холокост. Бэкграунд евгенике составили этнографические и антропологические (нередко любительские и претенциозные) исследования, в какой-то момент сосредоточившиеся на проблематике «дикаря» – человека примитивного общества. Отметим интересную ремарку М. Дуглас: «В течение нескольких десятилетий продолжались бесплодные дискуссии, пока архиепископ Уотли не воспользовался аргументацией теории дегенерации в совсем уж крайней и упрощенной форме... Способны ли эти падшие создания, – вопрошает он, – иметь хоть какое-то представление о благородстве? Можно ли вообще самых отсталых дикарей и самых цивилизованных представителей европейской расы относить к одному и тому же виду? <...> Реакция на памфлет последовала бурная и немедленная... Прочие сторонники дегенерационной теории... выпускали целые тома в поддержку его позиции... Защитники оптимистических взглядов XVIII в. появлялись со всех сторон. Книги рецензировались с точки зрения согласия или несогласия с Уотли» (Дуглас, 2000, с. 35–36). Увы, споры о природе «дикаря», спроецированные вовне в ходе бурной колониальной экспансии (отнюдь не в пользу «дикаря» – достаточно вспомнить события в Южной Африке, Намибии или Бельгийском Конго) и обращенные вовнутрь в ужасе перед «открытой» евгеническими изысканиями тенденции к дегенерации (ярко выраженной, например, у Л. Стоддарда в образе «бунта против цивилизации», осуществляемого *underman*), привели к политическому оформлению расизма в агрессивных идеологиях (фашизм, национал-социализм) и соответствующих практиках, для которых дифференциация, дискриминация и отбраковка стали нормой. Как итог, «дискурс борьбы рас, который в момент своего появления и начала функционирования в XVII веке был, по существу, инструментом борьбы для противостоящих лагерей, оказывается в центре и становится дискурсом власти... дискурсом борьбы, которая ведется не между двумя расами, а внутри данной расы как подлинной и единственной, борьбы тех,

кто держит власть в своих руках и определяет норму против тех, кто формируется через отношение к этой норме и представляет столько опасностей для биологического генотипа. В это время можно наблюдать все биолого-расистские дискурсы о вырождении, а также все институты, которые заставляют функционировать внутри общества дискурс борьбы рас, включающий принцип вытеснения, сегрегации и в конечном счете нормализации общества» (Фуко, Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году, 2005, с. 78).

Безусловной заслугой М. Фуко стал «ребрендинг» биополитики, избавившейся в предложенном им подходе и от мистификаций и спиритуализма в отношении жизни, характерных для довоенного времени во множестве претенциозных исследований, и от предельно широкого сопряжения биологического и социального, характерного для многочисленных исследований середины XX в. Впрочем, в задачи статьи не входит реконструкция взглядов М. Фуко на биополитику вообще. Задачей исследования является эксплицирование воззрения Фуко и его последователей на изменения в области права в процессе восхождения биовласти. Действительно, в рамках нового прочтения биополитики как сферы рационализации проблем, связанных с феноменами, присущими людям, совокупно составляющим население, а именно: здоровьем, гигиеной, рождаемостью, продолжительностью жизни, потомством (Фуко, 2010, с. 405) – обнаруживается грандиозная трансформация права, произошедшая в XVIII в. под прямым влиянием складывавшейся именно тогда биовласти.

М. Фуко утверждал, что рождение биополитики приходится на XVIII в. Это воззрение закрепилось в современной политической философии, но справедливости ради отметим, что оно не бесспорно. Как убедительно показал в своем исследовании М. Оякангас, биополитическими по существу являются учения о государстве Платона и Аристотеля, активно обращающиеся к практикам регуляции жизни населения в полисе (например, контрацепция, аборт, оставление новорожденных и т. п.). Не только в теории, но и на практике в жизнедеятельности полисов Древней Греции и древнеримском государстве поощрялись многие инструменты непосредственной регуляции жизни населения во имя преследуемых властью целей (например, сохранения либо роста численности населения; улучшения качества жизни и др.). М. Оякангас подчеркивает: «Изложение Фуко биополитики как исключительно современной идеи неточно. Идея политики как контроля и регулирования жизни во имя безопасности, благополучия и счастья государства и его жителей так же стара, как и сама западная политическая мысль, зародившаяся в классической Греции. Греческая политическая мысль... биополитична до мозга костей» (Ojakangas, 2016, с. 1).

В то же время, согласимся с М. Фуко, широкомасштабная регуляция жизненных процессов населения – явление, характерное для Нового времени. Не возражает и М. Оякангас: «Современная политика действительно все чаще принимает форму биополитики с XVIII века – политики, цель которой состоит в оптимизации и умножении жизни путем подчинения ее точному контролю и всеобъемлющему регулированию... распространение биополитического видения политики шло – по крайней мере, в некоторой степени – рука об руку с упадком юридико-институционального дискурса и практики политики» (Ojakangas, 2016, с. 4).

В XVIII в. начался переход от суверенной власти, выстраиваемой вокруг отношений суверена и подданных, к биовласти, утверждавшейся в новоявленных национальных государствах (англ. – nation-state) в отношении граждан, составляющих население. Каждый по факту своего рождения (от лат. patio – рождение) становился частью нации (англ., фр., нем. – nation) с правами гражданина (Агамбен, 2015, с. 29). Однако гражданство – двусторонний договор, в котором права каждой из сторон соответствуют обязанностям противоположной. Для суверенной власти распространенной формой было своеобразное индивидуальное предоставление гражданства в форме договора вассалитета. «Вассал клялся верно служить своему господину, а господин, в свою очередь, давал клятву защищать его... воистину это был контракт. Если господин не выполнял свою часть сделки, это освобождало от обязательств вассала... Взаимные обязательства, принятые на частной основе, со временем приобрели общественное измерение и послужили основой конституционного правления в Европе и странах, заселенных европейцами, поскольку конституция тоже представляет собой контракт, в котором расписываются права и обязанности правительства и граждан» (Пайпс, 2000, с. 143–144). Но то же самое симметричное распределение прав и обязанностей обнаруживается при конституционном правлении. Причем, коль скоро защита, гарантии и права предоставляются с рождения, с рождения же начинаются и обязанности, главная из которых – выполнение конституционных норм, составляющих основание общежития. Именно этим озабочена биовласть, для которой «нет

права, которое не было бы записано на телах» (де Серто, 2013, с. 249). Организация общежития на началах отмеренной конституционно свободы, равенства и справедливости осуществляется через деятельность общественных институтов, задачей которых становится воплощение заявленного законодательно порядка в отношении совокупного населения в интересах как самого населения, так и власти – основного бенефициара широкомасштабной регуляции жизнедеятельности населения. Биовласть по существу представляет технологию, рассчитанную на непрерывную долговременную возрастающую отдачу от инвестиций в население.

Одним из важнейших биополитических инструментов становится «нормализация», то есть, в конечном итоге, формирование у граждан поведения, соответствующего нравственным, правовым, экономическим, образовательным и иным стандартам, отвечающим национальным (и государственным) интересам в условиях ускори́вшейся благодаря научно-техническому прогрессу промышленной революции и широкомасштабному перевооружению пересборки общественных отношений. Необходимой стороной нормирования и нормализации явилась «медиализация» человека (его тела и жизни в частности) и населения (в це-

лом). Формирование санитарной, эпидемиологической и психиатрической служб, создание клиник, родильных домов и лечебниц как сети учреждений, охватывающих население – один из важнейших проектов инвестиций биовласти в население ради повышения отдачи от труда, непосредственно зависящего от здоровья, трудоспособности и необремененности уходом за больными родственниками. Другим агентом нормализации стала школа – одновременно транслятор компендиума необходимых развивающемуся обществу знаний и проводник норм общежития, прививаемых (наряду с необходимыми прививками в рамках национальных программ вакцинации) в процессе воспитания, направленного на формирование социально адаптированного и подготовленного к трудовой и военной (в рамках всеобщей военной обязанности) деятельности гражданина.

Итак, общественные институты, формируемые биовластью, рассчитывались на широкомасштаб-

”

Биовласть предстает как homo faber – мастер и демиург вещей – придающий форму гражданам людям, рассматриваемым как материал, в соответствии с целями биовласти и идеей полезного государству и обществу гражданина. Биовласть жаждет превратить гражданина de jure в гражданина de facto – боевую и трудовую единицу личного состава, комплектованием которого она (биовласть) и занята.

“

ное воздействие на гражданина, инкорпорируемого в ткань социальных отношений с целью максимизации его пользы для государства, общества, в том числе, хотя, возможно, не в первую очередь, для него самого. Биовласть предстает как *homo faber* – мастер и демиург вещей – придающий форму граждан людям, рассматриваемым как материал, в соответствии с целями биовласти и идеей полезного государству и обществу гражданина. Биовласть жаждет превратить гражданина *de jure* в гражданина *de facto* – боевую и трудовую единицу личного состава, комплектованием которого она (биовласть) и занята.

Именно в этой перспективе обратим внимание на то, каким образом проникает нормализация в ткань собственно правовых отношений. В первую очередь бросаются в глаза изменения, в рамках которых в области уголовного права возникает уголовная биополитика. Следует обратить внимание на то, что биовласть активно использует науку в деле регуляции жизнедеятельности населения. Совершенно оправданно Фуко сопрягает начала «знания» и «власти» в рамках диспозитива «знание–власть». Биовласть не просто опирается на знание – «она его производит» (Фуко, 2002, с. 166). Именно наука позволила осуществить медикализацию тела человека и шаг за шагом прийти к формированию нормы о физическом, ментальном и психическом здоровье. При этом необходимо подчеркнуть, что границы нормы подвижны, и эту мысль в крайней, парадоксальной форме выразил А. А. Зиновьев: «Норма сама по себе вообще реально не существует. Это есть лишь абстракция от уродств, и уродство суть реальность нормы... Реальная норма есть реальное уродство, наиболее близкое к норме абстрактной, то есть к идеалу» (Зиновьев, 2003, с. 277). Вышесказанное в том числе подчеркивает, что норма – в определенных пределах – конструируема и исторически изменчива, а «заказчиком» вполне может стать (и становится) тот, кто определяет цели и повестку нормализации, т. е. биовласть.

Прогресс медицины, включая психиатрию, повышенное внимание общества в эпоху развития прессы к жестоким преступлениям, установление возможной связи между преступными наклонностями индивида и психической болезнью привели и к инверсии преступления и безумия (если преступник иногда (а, может быть, всегда?) безумен, то безумец потенциально преступен), и к формированию тенденции, направленной на обнаружение, надзор и контроль над теми, чье поведение ненормально, аномально, «монструозно». Все это ведет к созданию судебной медицины и задает долгосрочный тренд, направленный на профилактику преступности – борьбу за «нормальность». «Таким образом, как мы видим, психиатрическая медицина проникает в право через отождествление преступления с болезнью и вследствие этого через отождествление

наказания с нормализацией и исправлением индивидов. Исправление призвано улучшать, побуждать к раскаянию и реанимировать у индивида “добрые чувства”» (Яркеев, 2018, с. 138). Экспертная роль психиатра расширяется до судебно-экспертной, медицина и юстиция заключают союз. «В лице экспертизы мы имеем дело с практикой, относящейся к ненормальным, с практикой, которая вводит некоторую власть нормализации и стремится постепенно за счет собственной силы, за счет производимых ею стыковок медицинского и судебного модифицировать как судебную власть, так и медицинское знание, и сложиться в качестве инстанции контроля над ненормальным. Именно... экспертиза учреждает судебно-медицинский союз как инстанцию контроля не над преступлением и не над болезнью, а над ненормальностью, над ненормальным индивидом...» (Фуко, *Ненормальные: Курс лекций*, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году, 2005, с. 65).

Единство науки и уголовной юстиции ведет к формированию специфического уголовно-биополитического паноптикона как масштабированной модели надзорного учреждения И. Бентама, в котором сочетаются полнота научных знаний о человеке и широкого арсенала средств контроля над населением. Пожалуй, в идеальном виде этот союз мог бы олицетворять *Precrime Department* (отдел профилактики преступлений; от *precrime* – «предварительное преступление», понятие, введенное фантастом Ф. К. Диком) из кинофильма «Особое мнение» (*Minority Report*, 2002) – особый отряд полиции, который благодаря деятельности *prescogs* («ясновидцев», от *prescognition* – безошибочное предвидение событий будущего) и идеальной системы оперативного реагирования предотвращает преступление в момент или непосредственно до момента его совершения.

Безусловно, техническое оснащение полиции еще не достигло подобных высот, но шаги в этом направлении делаются (умные алгоритмы анализируют массивы данных и определяют место и время возможных преступлений, зоркие очи умных камер наблюдения реагируют на подозрительные действия, биометрические базы данных неожиданно находят преступников по делам давно минувших дней и т. д.). Первые же шаги были сделаны давно. Это, например, прообраз биометрии наших дней – «бертильонаж, основанный на измерении отдельных неизменяемых частей человеческого скелета... величайшее и гениальнейшее открытие XIX века в области полицейского дела» (Торвальд, 1984, с. 43). Внесли свой вклад и «Рудольф Райе в Лозанне, Роберт Гейндл в Мюнхене, Дрездене и Берлине и Эдмон Локар в Лионе» – именно они «являются первыми борцами за создание полицейских лабораторий, в которых нашли бы свое применение при расследовании преступлений все достижения науки и техники» (Торвальд, 1984, с. 208–209), к этому

причастно огромное количество ученых-криминалистов, трудившихся с той поры в этой научной сфере.

Именно полиция явилась проводником «новой нормальности». Не случайно, подводя итоги фундаментального исследования, посвященного теологической генеалогии экономики и управления, Дж. Агамбен отмечает, что «подлинная проблема, сокровенная тайна политики – это не суверенитет, а управление, не Бог, а ангел, не царь, а министр, не закон, а полиция – иными словами, та управленческая машина, которую они образуют и работу которой поддерживают» (Агамбен, 2019, с. 453). Рождение биополитики, следуя логике М. Фуко, нерасторжимо связано с рождением полиции. Новая парадигма управления государством, складывавшаяся в процессе перехода от суверенной власти к биовласти, выражала тенденцию, которую Фуко обозначил как «обуправливание государства» (Фуко, 2011, с. 165). «Управленчество» – заложенная в XVIII в. тенденция, для которой характерно «доминирование того типа властных отношений, который можно назвать “правлением” над суверенитетом и дисциплиной, и вызывающую развитие, с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой – целой категории особых знаний» (Фуко, 2011, с. 163). Новоявленное «оправительствование государственности» (Фуко, 2011, с. 164) – итог трансформации на пути от средневекового государства юстиции и административного государства XV–XVI вв. к новому типу государства. Новая парадигма «управленчества» проникает во все сферы жизни общества, регулирует, поддерживает, нормирует, стимулирует самые разнообразные начинания индивидов. Этой цели как раз и служит полиция. «С XVII в. начинают называть “полицией” совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, поддерживая строй этого государства... полиция – это расчет и техника, позволяющие установить мобильное, но, несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил... Полиция – это то, что должно обеспечить величие государства.... “Все, что может придать украшение, форму и величие городу”, именно этим и занимается полиция» (Фуко, 2011, с. 407). Оправительственное государство, вовлеченное в систему международных отношений,

закрепленную Вестфальским миром 1648 г., стремясь увеличить собственное могущество, обращается к населению как резервуару энергии для своих амбициозных проектов. И именно значимость регулирования жизненных процессов населения, исходя из телеологии государства, создает современную полицию. Целью полиции становится «правильное использование сил государства», от полиции требуется «обеспечить максимальный рост сил государства» (Фуко, 2011, с. 408). Полиция понимается как социальный институт управления жизнью, благополучием и даже счастьем населения. «Еще в XVIII веке понятие “полиция” означало состояние доброго порядка в обществе... При этом полицейское состояние связано как с установлением и поддержанием общественного порядка и покоя, так и с регулированием благополучия и даже счастья индивидов... важнейшей задачей полицейской технологии

власти раннего Нового времени было способствовать самореализации индивидов, ставших для государства важным элементом их могущества» (Кильдюшов, 2014, с. 22). Полиция становится институтом заботы о населении во имя государственных интересов. Олицетворяя континуум единого администрирования, полиция призвана гарантировать отсутствие произвола и правопорядок.

Проводимая оправительственным государством биополитика оказалась эффективной. Полиция, имея в качестве прообразов Oikonomia (домашнее управление)

и Kameralwissenschaft (камералистика – управление дворцовым имуществом, территорией и персоналом), превратилась в разветвленную систему государственных служб и органов по охране общественного порядка под управлением правительства. В настоящий момент это привело к закономерному итогу, выражающемуся, с точки зрения Дж. Агамбена, «в окончательном обретении полицией собственного суверенитета» (Агамбен, 2015, с. 105). Глобализация экономики, управления и безопасности способствует тому, что «современная глобальная политическая власть, руководствующаяся принципом безопасности, трансформируется в полицию, которая обретает собственный суверенитет, определяемый, согласно К. Шмитту, способностью принимать решение о чрезвычайном положении» (Яркеев, 2021, с. 10). Указывая на опасность и небла-

”

Биоправо обращено к человеку телесному как та часть сопряженного с биополитической нормализацией правового воздействия, которая запечатлевается в привычках, интересах и диспозитивах индивида. Нашей платой за общественный договор является не столько добровольный отказ от части нашей свободы, сколько, скорее, доля нашего коннектома, выражающего структуру синаптических связей головного мозга, обслуживающих наши социальные привычки, рефлексy и даже инстинкты, и накладывающего ограничения на проявления свободной воли в общественной жизни.

”

готовность приобретения полицией черт суверенной власти, Агамбен отмечает, что «полиция, вопреки распространенному мнению, видящему в ней чисто административную функцию исполнения права, на деле, возможно, является местом, где с предельной ясностью демонстрируются во всей своей наготе близость и практически сам конститутивный взаимообмен между насилием и правом, характеризующие фигуру суверена» (Агамбен, 2015, с. 106). В своих рассуждениях Агамбен следует за В. Беньямином, для которого суверенизация полиции означает разрыв в правовом континууме. «Утверждение, что цели полицейского насилия всегда идентичны целям остального права или хоть как-нибудь связаны с ними, является абсолютно ложным. Скорее, “право” полиции обозначает в сущности то место, в котором государство, будь то от бессилия, будь то из-за имманентных связей внутри любого правового порядка, больше не может посредством права гарантировать свои собственные эмпирические цели, которых оно желает достичь любой ценой» (Агамбен, 2015, с. 106-107).

Демонстрация оружия полицией, символически выражающая находящееся всегда наготове государства суверенное насилие, олицетворяет ту самую амбивалентность, которую отличает современное состояние биовласти, выбирающей «между заявленным намерением защитить жизнь и причинением фактической смерти» (Esposito, 2008, с. 17). Биовласть все чаще находится на перепутье, одновременно выступая в формах *power of life* и *power over life* – «власти ради жизни» и «власти над жизнью» в терминологии Р. Эспозито.

Следует отметить, что границы нормальности / ненормальности личности и их влияние на преступность / наказуемость совершенного деяния в настоящее время претерпевают дальнейшие изменения. Нейробиолог Д. Свааб не уверен, что должная точность достигнута: «Госпоже Юстиции следовало бы поучиться у медицины, как можно действовать на основании хорошо контролируемых *evidence based* (научно обоснованных) исследований» (Свааб, 2014, с. 251). Утверждая, что «применение норм уголовного права распространяется только на людей со здоровым мозгом» (Свааб, 2014, с. 251), он приводит примеры деяний, совершенных людьми с аномалиями головного мозга. Например,

«Брайен Томас в 2008 году во время отпуска задушил жену, с которой они 40 лет прожили вместе. Он объяснил на суде, что ему приснилось, что он схватил взломщика. Томас с детства страдал нарушением сна: лунатизмом и бессонницей. Поэтому он принимал таблетки, из-за которых стал импотентом. Но когда они вдвоем отправились в отпуск и хотели провести его в «интимной» обстановке, он таблетки принимать перестал. Обвинители отказались от обвинения, после того как судья указал на то, что Томас из-за нарушений сна не может нести ответственность за случившееся» (Свааб, 2014, с. 257). Похоже, что паноптическое полицейское сканирование пространства и паноптическое же научное знание внутреннего мира отдельной личности потенциально способно привести человечество

к индивидуальной норме и индивидуальному правосудию, на весах которого с абсолютной точностью определяется мера ответственности, а также должная мера и характер наказания уникальной личности, совершившей деяние. Вот уж поистине, «мене, мене, текед, упарсин» – был «взвешен, измерен и признан негодным» (настолько, насколько необходимо и достаточно!).

Однако все-таки пока это скорее сны наяву в обществе, неуклоннодвигающемся по пути перфекционизма. Жизнь прозаичнее, идеал едва ли будет достигнут. Увы, традиционно

биовласть (а ранее суверенная власть и вовсе открыто предпочитала избыточную жестокость как устрашение в качестве основного средства профилактики преступления), стремилась не к максимуму гуманизма, а к оптимуму репрессии в применении уголовной биополитики. «Общество требует удовлетворения от уголовного права, к тому же неотвратимость наказания служит защитой от преступников и предостережением для склонных совершить преступление» (Свааб, 2014, с. 252). И именно ввиду того, что несовершенный контроль в отношении преступности еще только выражался в бентамовском паноптиконе как наилучшем устройстве тюрьмы либо любого иного надзорного учреждения, биовласть не гнушалась конструированием преступности. «Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства. Формирова-

”

Биовласть, обращаясь к биоправу, устанавливает режим управления, целесообразный для власти и по преимуществу отвечающий интересам населения, но в значительной степени дисквалифицирующий личность как автономный и сознательный центр принятия решений в качестве субъекта права.

“

ние делинквентности дает государству инициативу в управлении преступностью. Учет делинквентов, маргинализация делинквентности, надзор за делинквентами дает неоспоримые преимущества. Вместо неконтролируемой массы склонных к криминальному поведению людей «образуется довольно небольшая и замкнутая группа индивидов, которых удобно держать под постоянным надзором»... Прирученная преступность менее иррациональна и более управляема – зло неизбежное, но сидящее на цепи» (Бавсун, Попов, 2019, с. 82). Итак, уголовная биополитика дополнила программы медиализации населения биовласти с целью формирования сети надзора и контроля над ненормальностью, а главное – утверждения нормальности, воплощенной в жизнедеятельности граждан.

Именно поэтому уголовная биополитика сама по себе выступает частью того, что можно обозначить как биоправо. Неоспоримо, что «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам; оно утверждает и отрицает, оно формулирует и требует – для того чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, и сознавали сформулированное требование» (Ильин, 1994, с. 161). Знание и признание права, как справедливо отмечает И. А. Ильин, являются необходимыми условиями существования права. Однако отношение «к Праву не сводится к “сознанию” и “познанию”, но живет всегда в виде пробуждаемой сердцем и совестью воли к совершенству, справедливости и праву» (Ильин, 1994, с. 158). Сердце и совесть могут быть одухотворены, и в определенном смысле тогда отношение к праву носит универсальный, надличностный и сверхсознательный характер, будучи обращенным к идее и цели права, но могут быть замутнены, и тогда их горизонтом становится сиюминутная выгода, корыстный интерес, мстительность и жестокость. Можно сказать, что право обращено к человеку разумному и как «свет» нравственных императивов, и как декларация о намерениях, и как констелляция диспозитивов организации совместной жизни; но также обращено к человеку телесному (тело-corporis – тело как физический объект) как набор перформативов и свод инструкций, как ему не размахивать руками настолько, чтобы не дотрагиваться до кончиков носов сограждан, и все к тому же человеку телесному (тело-leib – «плоть» как уникальноеместилище индивидуальности) как ясное указание на то, что некоторое пространство для его индивидуальности существует, и он имеет на него право.

Биоправо обращено к человеку телесному как та часть сопряженного с биополитической нормализацией правового воздействия, которая запечатлевается в привычках, интересах и диспозитивах индивида. Нашей платой за общественный договор является не столько добровольный отказ от части нашей свободы, сколько, скорее, доля нашего коннекта (О. Спорнс,

П. Хагман, С. Сеунг), выражающего структуру синаптических связей головного мозга, обслуживающих наши социальные привычки, рефлексy и даже инстинкты, и накладывающего ограничения на проявления свободной воли в общественной жизни. Биовласть своим инструментарием медиализации, нормирования и нормализации, практической идеализации и, в конечном итоге, регуляции жизнедеятельности населения, создает «межчеловеческие пространства, где движутся люди, преследуя свои сейчасные, объективно-мирские интересы. Эти интересы в исходном смысле слова являются тем, что *inter-est*, лежит между и создает связи, сцепляющие людей друг с другом и, одновременно отделяющие их друг от друга» (Арендт, 2000, с. 239). Это между-мирие (или «мезореальность» в терминологии Г. Ч. Синченко) может быть построено на насилии, подавлении и страхе, но такой мир и «интерес» избежать насилия любой ценой разрушителен, поэтому биополитическая нормализация ориентирует на образцы, психологическим механизмом достижения которых выступает идентификация. «Повторение, имитация, присвоение – присутствуют в любой идентификации с человеком, группой или идеей... Идентификация дает нам возможность наверняка избежать ситуаций напряжения или недовольства. В той степени, в какой нам приятно повторение жеста, имитирование чувства или цели, признание каких-то черт общими с другими людьми и обычными, идентификация преобразует огорчение в удовольствие» (Московичи, 1998, с. 198). За счет идентификации с пропагандируемыми биовластью образцами, репрезентирующими норму, «правило, навязанное в общественной жизни, отныне инкорпорируется в жизнь психическую. Такую эмоциональную привязанность к кому-то – к отцу, другу, учителю обозначают понятием идентификации. Она замещает любовное желание по отношению к этому лицу. Желание интериоризируется, и человек, который любит, становится как тот, кого он любит. Подражая ему, он овладевает им. Принесенная жертва позволяет властвовать над собой и властвовать над отношением с другим» (Московичи, 1998, с. 194). Биовласть, используя инструментарий нормализации, опирающийся на психологию масс, буквально воплощает в поведении людей желаемый тип социальных отношений в диапазоне, границы которого задает индоктринация в пределах современной постидеологии и охраняет уголовная биополитика.

Любопытным примером современного тренда в области господства над общественным мнением является возвышение «персоналиата» (Д. А. Давыдов) – разнообразного пула творческих личностей, сумевших не только коммодифицировать свой талант, но и конвертировать его в политическую власть. Современность, не в последнюю очередь благодаря информационной революции, связанной с развитием

интернета, привела к лавинообразному росту творческой деятельности, создав условия для того, чтобы творчество стало ресурсом, капиталом и инструментом влияния. В том числе «речь идет о личности как ценнейшем стратегическом ресурсе, заключающемся в наличии социально признаваемого имени, а также известности, способности благодаря нахождению в центре общественного внимания влиять на общественный дискурс... Соответственно, персоналиат — это быстро растущая социальная прослойка тех, кто обладает личностью как публичной известностью» (Давыдов, 2020, с. 72). Континуум творческих личностей, обладающих властью над вниманием, является транслятором ускоренно меняющейся и стремительно расширяющейся системы ценностей, к которой публика приобщается через идентификацию с позициями круга людей, заслуживших признание, и до определенной степени право на личность. Персоналиат — передний край того фронта, который олицетворяет встречное давление биовласти на население и населения на биовласть. Именно эта новая общественная прослойка продвигает ценности, играющие pro et contra (полагаем, чаще pro) интересам биовласти.

Вместе с тем, несмотря на прогресс человечества в области науки и техники, проблема того, как может быть устроено самоуправляемое, успешно саморазвивающееся общество людей, опирающихся исключительно на свои высшие разумные способности, без сползания к уродливым формам толп, хаоса и распада, так и не решена до сих пор. И пока ответ не дан, биовласть, используя биоправо, обращенное как к сознанию, так и к бессознательной стороне жизни индивида, выступая своеобразной формой программирования (на языке биовласти — муштры, дисциплинарности и даже дрессуры), в той или иной мере формирует общественное поведение человека. Применение этих регуляторов, увы, свидетельствует о том, что биовласть не верит в человека, как в исключительно свободное и разумное существо, но и обнадеживает в том отношении, что биовласть не редуцирует человека до биоавтомата. Для биовласти человек — «полуавтомат», сочетающий режимы автоматического и ручного (т. е. само-) управления. Именно поворот к целенаправленному воздействию на человека с целью «изготовления» из него «нормального» и «полезного» биовласти гражданина, масштабированного до размеров населения, выражает специфику биовласти и в том числе ее правовую и уголовно-правовую политику.

Выводы

Биовласть, использующая биоправо, выходит за рамки классической юридико-институциональной модели, опирающейся на закон. В юридико-институциональной модели «политика вращалась вокруг таких понятий, как закон, свобода воли, согласие

и договор, а не вокруг концепции жизни или даже природы» (Ojakangas, 2016, с. 4). Теоретики государства Нового времени под естественным правом подразумевали универсальные и неизменные моральные заповеди, такие как «никому не причиняй вреда», «воздавай каждому по заслугам» и т. д. Напротив, биополитика регулирует закономерные процессы биологической жизни, рассматривая человека как живое существо, носителя жизни. Для теоретиков государства на заре Нового времени «индивид все еще представлялся таким, каким он был со времен Римской империи: юридическим лицом, наделенным конкретными обязанностями и правами» (Ojakangas, 2016, с. 4). Следует подчеркнуть, что «для развертывания и распространения биополитики требовалось смещение акцента с юридического индивида на человека как живое существо, с юридической «абстракции» на биосоциальную сущность, которая вместо того, чтобы быть частью институциональной системы законов, является живым членом живого сообщества» (Ojakangas, 2016, с. 4). Новая правительственная рациональность нацелилась не на круг проблем, связанных с суверенитетом и естественным правом, а на практический инструментарий того, «как управлять делами государства, чтобы оно было сильным в военном отношении и экономически процветающим», для биовласти главным становится искусство «оказывать усиливающее и оптимизирующее воздействие на жизнь отдельных лиц и групп населения — отдельных лиц, поскольку они являются основными единицами любого населения, — поскольку сила, процветание и даже счастье государства зависят от качества и количества населения» (Ojakangas, 2016, с. 4).

В конечном итоге отличие биовласти, радикально отдаляющейся от суверенной власти в ее классическом юридико-институциональном истолковании, можно понять, противопоставляя понятия *nomos* (гр. — закон) и *lex* (лат. — закон), на что обратил внимание К. Шмитт. «Цицерон перевел *nomos* как *lex*, но, по мнению Шмитта, он не признал, что, в отличие от римского *lex*, *nomos* обозначает не принятый закон (позитивный закон), а «конкретный порядок жизни» (*eine konkrete Lebensordnung*) греческого полиса — не то, что «должно быть», а то, что «есть» (Ojakangas, 2016, с. 56). Следует признать правоту Оякангаса, утверждающего, что «со времени возрождения биополитики в современности мы также стали свидетелями возвращения *nomos*, понимаемого как основной закон жизни. В этой конфигурации конституции и государства не существуют для того, чтобы гарантировать индивиду его право выбирать свой образ жизни. Теперь «способ существования народа», как выразился Мартин Хайдеггер, — это конституция и государство» (Ojakangas, 2016, с. 56).

Биовласть, используя ресурс биоправа, конституирует такой «конкретный порядок жизни», в рамках которого люди, слагающие население, скорее управляются на основании биополитических инструментов медиализации, нормализации, идентификации, иммунизации (Р. Эспозито), практической идеализации, формирующих буквально привычки и форму жизни, нежели законом, обращенным к сознанию и свободно оценивающему духу. Биовласть, обращаясь к биоправу, устанавливает режим управления, целесообразный для власти и по преимуществу отвечающий интересам

населения, но в значительной степени дисквалифицирующий личность как автономный и сознательный центр принятия решений в качестве субъекта права. В этом отношении биовласть обнаруживает свою нелицеприятную сторону, нивелируя преимущества эффективности, целесообразности и способности к установлению порядка. Общество соскальзывает к «человекину», а человек – к эусоциальному «человью» (Э. Уилсон; А. А. Зиновьев). «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16: 26).

Список литературы

- Esposito, R. (2008). *Bíos: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ojakangas, M. (2016). *On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower*. New York: Routledge.
- Агамбен, Дж. (2015). *Средства без цели. Заметки о политике*. Москва: Гилея.
- Агамбен, Дж. (2019). *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. Москва, Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Арендт, Х. (2000). *Vita activa, или О деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Бавсун, М. В., Попов, Д. В. (2019). Биополитический «бэкграунд» уголовной политики. *Философия права*, 4 (91), 75–84.
- Давыдов, Д. А. (2020). Революция личности, или восхождение персоналиата. *Полития*, 4 (99), 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89
- Дуглас, М. (2000). *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. Москва: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле.
- Зиновьев, А. А. (2003). *Глобальный человек*. Москва: Эксмо.
- Ильин, И. А. (1994). *Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4*. Москва: Русская книга.
- Кильдюшов, О. В. (2014). Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. *Социологическое обозрение*, 13 (3), 9–32.
- Московичи, С. (1998). *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. Москва: Центр психологии и психотерапии.
- Пайпс, Р. (2000). *Собственность и свобода*. Москва: Московская Школа Политических Исследований.
- Свааб, Д. (2014). *Мы – это наш мозг. От матки до Альцгеймера*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха.
- де Серто, М. (2013). *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Торвальд, Ю. (1984). *Век криминалистики*. Москва: Прогресс.
- Фуко, М. (2002). *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Москва: Праксис.
- Фуко, М. (2005). *Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Фуко, М. (2005). *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Яркеев, А. В. (2018). *Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект*. Екатеринбург-Ижевск: ИФиПУРО РАН.
- Яркеев, А. В. (2021). Теологические основания современной власти: опыт деконструкции. *Антиномии*, 21 (1), 7–26. DOI: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26

References

- Esposito, R. (2008). *Bíos: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ojakangas, M. (2016). *On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower*. New York: Routledge.
- Agamben, Dzh. (2015). *Sredstva bez celi. Zametki o politike*. Moscow: Gileya.
- Agamben, Dzh. (2019). *Carstvo i Slava. K teologicheskoj genealogii ekonomiki i upravleniya*. Moscow, Saint Petersburg: Izdvo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU.
- Arendt, H. (2000). *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni*. Saint Petersburg: Aletejya.
- Bavsun, M. V., Popov, D. V. (2019). Biopoliticheskiy «bekgraund» ugovolnoy politiki. *Filosofiya prava*, 4 (91), 75–84.
- Davydov, D. A. (2020). Revolyuciya lichnosti, ili voskhozhdenie personaliatia. *Politiya*, 4 (99), 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89
- Duglas, M. (2000). *CHistota i opasnost'*. Moscow: KANON-press-C: Kuchkovo pole.
- Zinov'ev, A. A. (2003). *Global'nyj chelovejnik*. Moscow: Eksmo.
- Il'in, I. A. (1994). *Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 4*. Moscow: Russkaya kniga.
- Kil'dyushov, O. V. (2014). Mishel' Fuko kak issledovatel' «policejskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya. *Sociologicheskoe obozrenie*, 13 (3), 9-32.
- Moskovichi, S. (1998). *Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass*. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii.
- Pajps, R. (2000). *Sobstvennost' i svoboda*. Moscow: Moskovskaya Shkola Politicheskikh Issledovanij.
- Svaab, D. (2014). *My – eto nash mozg: Ot matki do Al'cgejmera*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha.
- de Serto, M. (2013). *Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Torval'd, Yu. (1984). *Vek kriminalistiki*. Moscow: Progress.
- Fuko, M. (2002). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Moscow: Praxis.
- Fuko, M. (2005). *Nenormal'nye: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Fuko, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Fuko, M. (2010). *Rozhdeniye biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Fuko, M. (2011). *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu*. Saint Petersburg: Nauka.
- Yarkeev, A. V. (2018). *Ontologicheskie osnovaniya zla v sovremenном obshchestve: filosofsko-germenevticheskij aspekt*. Ekaterinburg-Izhevsk: IFiPUrO RAN.
- Yarkeev, A. V. (2021). Teologicheskie osnovaniya sovremennoj vlasti: opyt dekonstrukcii. *Antinomii*, 21 (1), 7–26. DOI: 10.24412/2686-7206-2021-1-7-26

Информация об авторе:

Попов Дмитрий Владимирович – начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

About the author:

Popov Dmitry Vladimirovich – the Head of Department of Philosophy and Political Science of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

The article was submitted July 15, 2021; approved after reviewing October 01, 2021; accepted for publication October 29, 2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.